

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Ольга (Ауренга) Онойко

с-в-ера — 17

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 93

Ауренга

А 93 Сфера-17 : роман / Ольга (Ауренга) Онойко. — Москва : АСТ, 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-17-085896-5

Если вас интересует будущее человечества, то эта книга ваша. Ауренга — автор, который может заглядывать за горизонт. И она увидела, что наше грядущее грандиозно и страшно. Люди, конечно, не останутся жителями только одной планеты. Они заселят всю Вселенную. Наши потомки обживут тысячи планет.

«Я любил острые скалы Циа, — рассказывал о своей планете главный герой «Сферы-17», — его штормовой океан, серебряные пустыни и красные леса, где на тысячи километров вокруг нет ни души и даже спутниковая связь едва ловит. Во всём этом было грандиозное величие и поразительная красота, но не было главного — изменчивости, порыва, движения вперёд. Море и пустыня существовали миллионы лет и будут существовать, покуда на Циа людей не станет столько же, сколько на Сердце Тысяч, и бионебоскрёбы не пожрут всё под собой...»

Однако даже через тысячи лет суть гомо сапиенс не изменится. К сожалению, наши потомки унаследуют все пороки своих предков. И поэтому проблемы останутся те же: борьба сверхмощных корпораций, грязные политические интриги, шпионские игры, экономические блокады, борьба за независимость, вырождение целых империй.

Но сохранится и главная ценность, ради которой человек всегда, во все времена шёл на подвиги и совершал самые отчаянные поступки — это любовь. Классическая космоопера ставит перед нами — представителями нынешней цивилизации — главный вопрос: на что можно пойти ради своей Родины, а на что ради любви?

«Есть такая банальность на Светлой стороне Силы: «высочайшее из искусств — любить людей», — признавалась в одном из своих интервью Ауренга. — Я вижу смысл своего занятия в том, чтобы сделать такой текст, в котором читателю будет хорошо. Хорошо не в смысле «погладить нежным пёрышком», а так... по-настоящему хорошо».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085896-5

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2014

Часть первая. Циалеш

«Моё детство прошло в отцовском поместье на берегу моря» — отличное начало для мемуаров.

Лучше даже так: «Детские годы я провёл...» Сущее заклинание. Взмахни волшебной палочкой, и замелькает перед глазами калейдоскоп: вышитые скатерти, соломенные шляпки, старинные эргономичные клавиатуры, выгнутые как ящерицы, перстни на холёных пальцах матери и сигарная комната отца — все эти кадры из дешёвых ситкомов, которые штампуют на Эрминии по десятку в одних и тех же интерьерах, разве что цвет обоев заменят.

Детские годы я провёл на берегу моря, и берег принадлежал отцу.

Только это было не поместье, а ферма. Одна из тех непомерно больших ферм, какие разбивают первопоселенцы, пьяные от свободы, забывшие о границах, соседях и дележах. По сути, это не фермы, а охотхозяйства, и за ними почти не нужен уход. На границе цивилизации человек возвращается к истокам — вновь становится охотником и собирателем.

Тридцать лет назад мой дед-шахтёр уехал из Плутоний-Сити, навеки бросив прежнее дело. Промышленный город становился финансовой столицей планеты, шахты закрывались, а дед решил, что с него

хватит радиоактивных руд. Он застолбил за собой от-
мели южного океана. Десятки километров отмелей, на
которых во время отлива можно было руками собирать
морских гадов.

Чем мы и занимались. В мемуарах стоило бы на-
писать, что это делали наши работники. Работники
у нас и правда были, но я хорошо помню, как болела по
вечерам спина и как тяжело было много недель подряд
вставать затемно. Я пропускал первый школьный ме-
сяц, потом приходилось навёрстывать. Когда море
поднимает свой плод, время становится на вес золота...
По осени наш дом с подвала до крыши наполнился рез-
кими запахами рыбы, резины и мази-регенерата. На
Циа моря слишком солёные. Состав солей благопри-
ятный, можно даже производить косметику (соседи,
Йоркисы, были мастера по этой части), но concentra-
ция слишком велика. Наше море будет ласковым, если
ему не надоедать... Два часа в сутки полезно,
больше вредно. Но кто же станет блюсти эти часы,
когда слияние лун, отлив и в серебристом песке копо-
шатся гады.

Помню и детский азарт. Добычи полным-полно, ты
ни с кем не делишь её, только рвёшься собрать больше,
больше, больше всех — весь этот скользкий, извиваю-
щийся, жаждущий жить тварный мир собрать в мешок
и утащить в пещеру. Первобытное счастье.

Потом гадов лушили, солили, сушили, коптили, жа-
рили, вялили, мариновали, вязали в пучки, закатывали
в банки и продавали посредникам, а те везли их в город-
ские магазины. Иногда — в качестве редкого деликатеса
в элитные рестораны других планет. Даже на Сердце
Тысяч.

Дед, пока не умер, всё пытался изобрести автособи-
ралку, но только погубил пару километров наших паст-
бищ. Гады не любили, когда их серебристый песок рыла
машина, гады больше не приходили на такой пляж.
Отец ругмя ругал деда, тот огрызался, с каждым годом

всё тише, а потом замолчал совсем... Его машины так и ржавели с тех пор в сарае, отец их не трогал. Только приходил порой и смотрел на их сети и бороны, что-то невнятно бурча в усы.

Мне нравилось прятаться в том сарае. Там было странно и дико. Напряжённая, мятежная мысль деда всё ещё жила там. Я любил острые скалы Циа, его штормовой океан, серебряные пустыни и красные леса, где на тысячи километров вокруг нет ни души и даже спутниковая связь едва ловит. Во всём этом было грандиозное величие и поразительная красота, но не было главного — изменчивости, порыва, движения вперёд. Море и пустыня существовали миллионы лет и будут существовать, куда на Циа людей не станет столько же, сколько на Сердце Тысяч, и бионебоскрёбы не пожрут всё под собой...

Меня тянуло куда-то. Я не знал, куда. Вдаль.

Отцу радостно было это видеть.

«Учись, Ник, — говорил он, и голос его дрожал. — Учись, и однажды ты сможешь уехать отсюда».

Уехать? Это была славная мысль, но я не понимал, что в ней необычного, почему отец так волнуется, говоря об этом. Я и правда собирался уехать, не сейчас, чуть позже. Глупо всю жизнь просидеть бирюком в полосе прибой. Школьная программа давалась мне так легко, что я и не замечал. Я много читал и хотел учиться дальше. Учиться — значило изменяться и двигаться вперёд, в этом чувствовалось биение жизни. Учиться. Ехать в Красные Пески или в Устье. Может, даже в университет, в Лорану или Плутоний-Сити.

Поначалу отец только кивал и улыбался, но когда мне исполнилось шестнадцать, он решил поговорить со мной как мужчина с женщиной.

Я и сейчас словно наяву вижу тот разговор. Отец пришёл в сарай, где я, угнездившись, читал какое-то исследование по социальной психологии. Он был бледен и совершенно трезв.

«Пап, я правда собираюсь уехать, — говорил я, пожимая плечами. — Все уезжают. Джелли уехал, Саманта Йоркис тоже. Что тут особенного?»

«Нет, — голос отца терял краски, таким голосом люди, привыкшие к крепкой ругани, говорят о святых. — Не так, как они. Не так уехать, Ник. Улететь с Циалеша...»

Горло его перемкнуло, голос сорвался. Передо мною стоял фанатик и фаталист.

И я с изумлением понял, что отец считает Циа адом, красным адом, куда он попал по грехам своим. Моря Циа язвят его, облака Циа проливаются на него огнём, хищные звери Циа ночами подбираются к его дому. В его глазах я, невинное дитя, заслуживал лучшей судьбы.

Вот только я не хотел никуда улетать.

Я любил Циа.

Это непременно стоило бы сказать в мемуарах.

Правда в том, что я не собираюсь писать мемуары.

Никогда.

Николас зажмурился и надавил пальцами на веки. Потом вздохнул и откинулся на спинку кресла, бездумно глядя в окно. Стёкла-хамелеоны стали совершенно прозрачными, и за ними открывался вид на ночной город — золотое шитьё по бархату, сплошная россыпь огней... Месяц назад Николас выбил из Этцингера нормальное электроснабжение для столицы и теперь каждую ночь любовался картиной. В сущности, Этцингер упирался только ради проформы. Что-что, а энергию они могли не экономить...

Фрайманн, молчаливый и равнодушный, ждал в кресле напротив. Николас подумал, что легендарный комбат похож на ожившую лучевую винтовку. Тому, кто назвал Эрвина Фрайманна Чёрным Кулаком, дешёвый пафос заменял и наблюдательность, и вкус...

А кто это был? Какой-то лояльный журналистик, памфлетист, истеричный блоггер... Народ любит пафос...

— Итак, — зачем-то пробормотал Николас, вновь переводя взгляд на экран планшета. Под клавиатурой сбоку белел бланк приказа.

— Будут указания по поводу Кленце, товарищ нач-упр?

Николас закрыл глаза и открыл. Чёрный Кулак был солдат до мозга костей, у него даже голос модулировал по уставу, он воплощал собою казарму, а больше, чем казарму, Николас ненавидел только то, что ему сейчас предстояло сделать. То, из-за чего он предавался воспоминаниям, теребил губу и пялился в окна.

До революции Кленце был начальником полиции Плутоний-Сити. В час икс полиция перешла на сторону восставших, Кленце заверил товарища Кейнса в своей полной лояльности, был принят в ряды и некоторое время в самом деле безупречно бдел. Но Доктору он не нравился никогда. Доктор сказал, что товарищ Кленце опасен и вооружённых людей ему под начало лучше не давать. Николас был полностью с ним согласен. Кленце напоминал ему донельзя разжиревшую змею и к тому же брал взятки неудержимо, как промышленный пылесос. «Кишка, — подумал Николас, — вот точно: кишка». Пару лет назад, поймав Кленце на очередной взятке, он снял его с должности и дал испытательный срок: перевёл делать мирное дело, управлять революционными детдомами. За время войны появилось много сирот...

Спустя некоторое время в Управление соцобеспечения начали поступать жалобы от граждан. Донесения людей из внутренней безопасности подтверждали их. А теперь сам Чёрный Кулак явился с доказательствами. Кто-то из его Отдельного батальона столкнулся с проблемой лицом к лицу.

Из старших детей Кленце начал сколачивать боевые бригады. Банды психически травмированных подростков держали в страхе целые районы столицы. Кленце

прикрывался идеей военного обучения, воспитания смены, необходимого в такое трудное время, но выглядело это с каждой неделей всё менее убедительно. То ли Кленце не понял, что за ним наблюдают внимательнейшим образом? Стало быть, он либо враг, либо дурак, а такие дураки хуже врагов, поэтому разницы никакой. Вчера Шукалевич сказал, что пора бы его уже... «А преемник Кленце раньше работал инспектором в Управлении юстиции, у Линна», — вспомнил Николас. Дельный человек, всё изучил досконально. Линн когда-то требовал отдать Кленце под суд. Доказательной базы хватало на три расстрела. Но мы простили товарища Кленце, выдали ему кредит доверия, учтя его заслуги перед Революцией... Доктор куда-то сгинул, дёргать из-за Кленце самого товарища Кейнса Николас не мог, а значит, решать нужно было самому. «Что же, — подумал он, — кредит не выплачен. Товарищ Линн со мной согласится...»

Фрайманн ждал.

Николас внутренне поморщился.

— Товарищ комбат, — с трудом выговорил он, — по поводу Кленце...

— Слушаю.

— Расстрелять.

— Так точно, товарищ начупр.

Николас опустил взгляд на бланк приказа.

Его всегда тошнило, когда приходилось подписывать смертные приговоры, физически тошнило, хорошо, что недолго. Николас закусил губу и подмахнул листок.

Фрайманн встал — стремительно, красиво, чётко как автомат, — и принял листок из его рук.

— По закону военного времени, — блёкло присовокупил Николас. — За контрреволюционную деятельность.

— Так точно.

«Сейчас он уйдёт», — обнадёжил себя Николас. Под ложечкой затомило от нетерпения. Сейчас грозный комбат отбудет, передаст приказ своим людям, завтра

начупр соцобеспечения товарищ Реннард подпишет приказ о чьём-то назначении на освободившуюся должность... На часах было два ночи. Кленце устроят до рассвета. «Домой не поеду, — решил Николас. — Дежурный водитель наверняка спит в подсобке, есть ли смысл тревожить его, если всё равно нужно будет вернуться к семи...» Взгляд его упал на узкий чёрный диван напротив окна. Николас не впервые ночевал на работе.

За дверью кабинета послышалось шуршание.

Николас озадаченно нахмурился. Фрайманн напрыгся, скосив глаза набок: кажется, стриженные его волосы стали дыбом, как шерсть. «Профессионал», — подумал Николас.

Рукоятка двери сдвинулась. Фрайманн резко развернулся — точь-в-точь орудие в турели.

В кабинет бочком протискивался мальчик лет двадцати, судя по одежде — подсобный рабочий. Он не сразу увидел присутствовавших, а увидев — пошатнулся, ударился о косяк и попытался слиться со стеной.

— В чём дело? — сухо потребовал Николас.

— П-простите... — выдавил мальчишка. — Я п-потом зайду... — и попытался ускользнуть.

— Стой, — велел Николас.

Мальчишка послушно застыл, задрвав подбородок в попытке стать смиренно. В глазах его метался ужас.

— Ты что тут делаешь?

Он заморгал.

— Окно... — Он набрал в грудь воздуха и выговорил яснее: — Товарищ начупр, так ведь ночь. Можно отремонтировать. Каэла сказала, у вас окно не открывается, я чинить пришёл, — и он загородился от Николаса деревянным чемонданчиком, очевидно, с рабочим инструментом. Николас едва скрыл улыбку.

Рядом резко выдохнул Фрайманн.

— Имя, — вдруг прогремел он, — звание.

Мальчишку точно подбросило. Он с грохотом уронил чемодан и стал смиренно по-настоящему.

— Кайл Джонс, товарищ комбат! — отрапортовал он. — Младший сержант!

— Почему в штатском?

Сержант Джонс побелел.

— Я... чинить... форму поберечь...

— Передай своему командиру, — сурово сказал Фрайманн, — что я велел наложить на тебя взыскание за нарушение формы одежды. Кто тебя рекомендовал в хозкоманду?

Николас покачал головой. Он-то видел, что Фрайманн шутит, но паренёк всё воспринимал всерьёз и был, кажется, близок к обмороку. Как-никак, сам Чёрный Кулак революции им недоволен...

— Моя секретарша, — ответил он за бедного Джонса, — Каэла. Его сестра. Семья проверенная, товарищ Фрайманн. Я отпустил Каэлу четыре часа назад. Сержант не знал, что я ещё на работе.

Фрайманн кивнул.

— Всего хорошего, товарищ Фрайманн, — подчеркнуто штатским голосом сказал Николас. — Кайл, можешь приступать. Много это займёт времени?

Вид у сержанта был как у снятого с виселицы. Он сделал шаг вперёд, стараясь не встречаться глазами с Фрайманном, прерывисто втянул воздух в лёгкие и выговорил:

— Вроде нет, товарищ начупр... не должно.

Николас встал из-за стола, взял из ящика ключ от стенного шкафа. В шкафу была припрятана бутылка коньяку — лучшего, импортного, с Лайи. Теперь импорт — редкость... Тем временем сержант Джонс деловито осматривал задвижку окна. Подёргал её, постучал, затем поставил на подоконник свой чемоданчик. Николас решил, что Кайл с Каэлой близнецы. Они были чертовски похожи: одинаково тоненькие, аккуратные, похожие на зверьков. Младший сержант. Реннард был удивлён этим. Кто его в армию-то взял...

Младший сержант украдкой посмотрел через плечо на товарища начупра. Николас улыбнулся. Паренёк ему нравился. Напуган, но работает умело и споро; белокожий, с оленьими глазами и нежным девичьим ртом... Уши красивые. Даже армейская стрижка не уродует...

Николас отпёр шкаф — и вдруг осознал, что Фрайманн всё ещё здесь. Чёрный Кулак был совершенно неподвижен: кажется, даже не дышал. Он стоял посреди кабинета, но Николас, едва переключив внимание, сразу же перестал его видеть. Начупр мысленно выругался. С этими гвардейскими психотехниками не заметишь, как в расход пустят... Какого чёрта он ждёт? Шёл бы уже отсюда, железяка. Угощать Фрайманна лайским коньяком Николас совершенно не собирался, а кроме того, ему хотелось заговорить с Кайлом. Мальчик был забавный, славный мальчик... отдохновение души.

Младший сержант Джонс открыл чемоданчик.

Того, что случилось после, Николас в деталях не различил.

Он услышал грохот, настольная лампа мигнула и взорвалась, через кабинет метнулся чёрный призрак. Николаса продрала дрожь, он выронил ключ от шкафа. В полумраке брызнула тёмная тяжёлая кровь, залила чистые бланки на столе и планшетку. На пол упало мёртвое тело. С подоконника на мертвеца, рассыпая отвёртки и гвоздодёры, свалился ремонтный чемоданчик...

Фрайманн опустил руку с револьвером.

У Николаса закружилась голова. Он смотрел на планшетку — её голографический экран стал единственным в комнате источником света. Экран судорожно вздрагивал. Секунду спустя база планшетки заискрила, и он исчез.

— О Господи, — нелепо пробормотал Николас. — А я боялся её кофе залить... — и перевёл взгляд.

Он не увидел Джонса. Перед ним маячила, загоразживая обзор, широкая спина Фрайманна, обтянутая чёрной кожей. Николас смотрел в эту спину и думал, что если бы сержант Джонс не промахнулся, пуля, несомненно, прошла бы сквозь тело Фрайманна... и Фрайманн не мог этого не понимать... более того, он вполне сознательно метнулся наперерез, заслонив собой товарища Реннарда, революционного начупра...

— Товарищ Фрайманн, — сказал Николас.

Тот обернулся.

Пол кабинета дрогнул и полетел Реннард в лицо.

Николас пришёл в себя на том самом диванчике, где собирался скоротать ночь. Он лежал, касаясь макушкой твёрдого деревянного подлокотника. Верхний свет бил в глаза. Николас зажмурился, и по векам скользнула тень.

Над ним стоял Эрвин Фрайманн.

У Реннарда всё ещё кружилась голова. Казалось, что Чёрный Кулак достаёт макушкой до люстры. Свет расплывался, Фрайманн казался бледным как мертвец, его окружали огни, вращавшиеся по строго сбалансированным орбитам...

— Что за чёрт, — выговорил Николас.

Фрайманн оставался спокойным как айсберг.

— Товарищ Реннард, вы переутомились. Не беспокойтесь, я уже принял меры.

Сражаясь с тошнотой, Реннард приподнялся и обвёл взглядом кабинет. Стол, обои и занавески — в крови... Бог мой, сколько крови... но труп уже унесли. Быстро же действует легендарный комбат; впрочем, ему положено.

— Спасибо, я о другом, — мрачно сказал Николас. Он попытался сесть, и у него получилось, хотя за подобающую позу пришлось расплатиться новым приступом тошноты.

Фрайманн склонил голову набок, словно удивлённая собака.

— Что вы имеете в виду?

Николас помолчал.

— Вы же в курсе, товарищ комбат, — сказал он наконец.

Тот смотрел озадаченно и явно ждал разъяснений. Николас подавил вздох. Фрайманн был в курсе, но как истый солдат не терпел намёков, догадок и фигур умолчания. По крайней мере между теми, кому по должности полагалось знать военную тайну.

— Я начупр соцобеспечения, — негромко сказал Реннард. — Самый безобидный человек в правительстве. На меня не могли покушаться... в этом качестве.

Фрайманн помрачнел, хотя, казалось, более мрачным быть невозможно. Он сел рядом с Николасом и облокотился о собственные колени.

— Кто-то догадывается об истинном положении вещей, — продолжал тот. — И хочет меня устранить... Полагаю, это Стерлядь.

Фрайманн смотрел внимательно. Глаза у него были совершенно чёрные, без чёткой границы между радужкой и зрачком, и от неподвижного холодного взгляда становилось не по себе.

— Стерлядь, — повторил Фрайманн.

— Нужны доказательства.

— Я не сориентировался, — Чёрный Кулак досадливо покачал головой. — Надо было брать живым.

Николас вздохнул.

— Он не мог действовать в одиночку. Каэла. Её нужно арестовать и допросить. И немедленно.

Фрайманн молча кивнул и вытащил из нагрудного кармана гарнитуру. Он отдавал приказы, а Николас смотрел в окно на панораму ночного Плутоний-Сити, мало-помалу приходил в себя и думал, что импортная планшетка безнадёжно испорчена, а на Циа таких не делают и до конца изоляции придётся переходить на

лэптоп. Если изоляция когда-нибудь закончится... Ещё он думал, что делу нельзя давать ход, а значит, от Каэлы придётся избавляться. С каждым днём на его совести всё больше и больше жизней, и это не прекратится. И ещё: он забыл поблагодарить товарища Фрайманна за спасение собственной.

— Я бы арестовал всех, кто сейчас на дежурстве, — сказал тот, сложив гарнитуру.

— Нет. Если мы будем слишком осторожны, Стерлядь тоже начнёт осторожничать. А нам это невыгодно.

Фрайманн неожиданно проявил эмоции: беззвучно сплюнул.

— Я не понимаю, чего мы ждём, — сказал он с искренней досадой. — Взять его да и к стенке.

— Нет. — Николас откинул голову на спинку дивана, уставился в потолок. Виски ныли. — Сейчас мы следим за каждым его движением. Практически всю его агентуру держим под колпаком. Мы можем взять их за пару часов. Но Манта не успокоится. Не будет этих, появятся другие, о которых мы ничего знать не будем. Придётся всё начинать сначала, а информация дорого нам стоила... Стерлядь должен чувствовать себя в безопасности.

Фрайманн опустил голову.

— Не понимаю я этого, — пробурчал он.

— Так решил товарищ Кейнс, — Николас применил абсолютный аргумент.

Фрайманн даже выпрямился при звуке этого имени.

— Ясно, товарищ Реннард.

Николас закрыл глаза. «Спасибо тебе, железяка, но как же я не хочу тебя видеть...»

— Я не стал бы доверять дежурному водителю, — сказал Чёрный Кулак. — Должен был быть запасной план покушения. Вы остались работать, но могли и поехать домой. Давайте я вас отвезу, товарищ начупр.

— Не стоит. Слишком поздно. Спасибо. Я посплю тут, — Николас потер лицо руками. — В шкафу подушка и одеяло...

Фрайманн встал и шагнул к шкафу.

— Погодите, — Николас потянулся за ним, но в глазах потемнело, слишком трудно было встать. — Не надо, спасибо! Я сам...

— Меня не затруднит, — ответил Фрайманн, возвращаясь с мягкой охапкой. — Какие будут указания насчёт девушки?

— Сколько времени?

— Половина третьего.

— Нужно допросить её. Но нельзя, чтобы её успел допросить кто-то ещё. Она... не производила на меня впечатления железной женщины. Она может расколоться слишком быстро. А информация не должна уйти дальше нас с вами.

Фрайманн подумал.

— Я этим займусь. В Отдельном батальоне людей Стерляди нет. Разрешите заменить охрану в здании на моих, товарищ Реннард.

— Разрешаю, — у Николаса слипались глаза. — Через четыре часа я лично её допрошу. Сопровождайте меня, товарищ Фрайманн... если у вас нет срочных дел.

— Я вас разбужу, — ответил Чёрный Кулак.

«Бедная Каэла», — думал Николас, шагая по бетонным коридорам тюрьмы за Эрвином Фрайманном. Специзолятор наводил на него тоску. Зданию исполнилось уже лет сто. Стены его год за годом впитывали ненависть и злобу, боль и тоску, пока не переполнились ими и не начали излучать вовне, усиливать, как ретранслятор усиливает сигнал. Николас чувствовал себя подавленным. Вокруг лязгали решётки, с грохотом захлопывались железные двери. Тихо, тошнотно зудели дешёвые